

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН И ПОЛИТИКА РОССИИ

Леонид
Карабешкин

Леонид Александрович Карабешкин – к.п.н., профессор Евроакадемии (Таллин). В 1999 году окончил факультет международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. В 2005 году получил степень кандидата политических наук в Институте Европы РАН. В настоящее время является заместителем декана факультета международных отношений Евроакадемии (Таллин). Владеет английским и литовским языками.
Электронная почта: leonid@euroakadeemia.ee

Внешнеполитическое балансирование представляется наиболее рациональной и естественной стратегией для малых и средних (то есть практически всех, за исключением России) постсоветских республик. Выбор внешнеполитических стратегий стран, не претендующих на статус мировых или региональных держав, ограничен либо альянсом с более сильным и (или) более опасным государством (*bandwagoning*), либо балансированием (*balancing act*), направленным на извлечение выгод в сфере безопасности и экономики в обмен на политическую лояльность как минимум от двух крупных держав, либо, наконец, скрытым (*symbolic protest*) или открытым (*assertion*) оппонированием ведущему игроку. В региональном контексте постсоветского пространства таким игроком объективно выступает Россия, которая в историко-политическом, а по ряду вопросов — и юридическом смысле является наследницей Советского Союза.

В силу структурных характеристик постсоветского пространства, где Россия очевидно превосходит все остальные 11 республик по военной силе и экономическому потенциалу, выбор в пользу совместных альянсов, направленных на балансирование против России, не выглядит привлекательным: ресурсы соответствующих стран ограничены, а противоречия интересов — весьма велики. История создания таких союзов (ГУАМ и, в меньшей степени, Центрально-Азиатского союза) показала их низкую состоятельность и выживаемость. ЦАС был интегрирован в структуру ЕврАзЭС, в то время как ГУАМ по-тихому исчез с политической сцены. Как правило, расцвет таких организаций связан с активизацией внешней поддержки, обусловленной геополитическими интересами «спонсоров». Впрочем, в упомянутых случаях эта поддержка также не была достаточной в той мере, чтобы сгладить внутренние противоречия их членов; кроме того, она явно носила конъюнктурный характер

и довольно быстро иссякала. В этих условиях ряд политических режимов, твердо настроенных на оппонирование России (Грузия, а также Украина при президенте В. Ющенко), предпочли открытое оппонирование через интеграцию во внешние для постсоветского пространства евроатлантические структуры безопасности — ЕС и НАТО.

Опция альянса с Россией как наиболее сильным игроком также была использована рядом стран — Беларусью, Арменией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном. Именно эти страны составляют костяк ключевых экономических и военно-политических блоков с лидирующей ролью России — ОДКБ и ЕврАзЭС. У каждой из них был специфический мотив такого поведения. Казахстан тревожил вопрос суверенитета над северными территориями с преимущественно русскоязычным населением; Армения рассчитывала на поддержку России по нагорно-карабахскому вопросу; без активной позиции Москвы вряд ли бы сохранил единство Таджикистан; экономика Беларуси представляла собой «сборочный цех» в общесоюзном масштабе и экономически была полностью ориентирована на Россию и другие республики бывшего СССР.

Тем не менее по многим аспектам эти страны предпочитали свою автономию институциональному влиянию в новых интеграционных группировках. Беларусь и Казахстан, активно используя интеграционную риторику, на деле зачастую сдерживали процесс создания наднациональных институтов и не соблюдали блоковую дисциплину. К примеру, несмотря на согласованную линию в сфере обороны и безопасности России и Беларуси, последняя никогда не оказывала серьезной поддержки российским действиям в Центральной Азии или на Кавказе. А Казахстан не отвергал с ходу возможности развития альтернативных путей экспорта углеводородов через Каспий в обход России.

Причины ясны: республиканские политические элиты были совершенно не расположены к потере политического и экономического контроля над своими странами и попаданию в зону российского доминирования. Следует признать, что Россия сама нередко отказывалась рассматривать постсоветские страны в качестве равноправных партнеров, считая их естественными сателлитами, не имеющими альтернатив.

Конечно, аргументы Армении, Кыргызстана и Таджикистана в пользу альянса с Россией отличаются от аргументов других стран, так как они объективно ощущают дефицит «жесткой» безопасности, не всегда стабильны внутривнутриполитически, а их экономики в наибольшей степени подверглись деградации (а армянская — еще и экономической блокаде). В данном случае слабость этих стран объективно повышает их стремление к союзу с более сильным игроком. Однако даже они стремятся балансировать российское военное доминирование либо посредством размещения иностранных военных баз (как в случае с Кыргызстаном и Таджикистаном), либо за счет укрепления политико-экономических связей с Западом (как в случае с Арменией, где этому способствует влиятельная зарубежная диаспора).

Поэтому можно утверждать, что в действительности те страны, которые принято считать союзными России, сами ощущают себя «полу-блоковыми». Классическое балансирование предполагает нейтралитет как средство обеспечения безопасности. В некоторых случаях нейтралитет упоминается в доктринальных документах внешней политики или конституциях. Самым «нейтральным» объявил себя Туркменистан, но и в Конституции Республики Беларусь присутствует упоминание об этом, а президент А. Лукашенко отмечал, что нейтралитет сохраняет свою значимость как принципиальная основа белорусской внешней политики (Улахович, 2009). Теоретики международных отношений давно обратили внимание на такую противоречивость поведения малых стран и дали ей интерпретацию: «Малые страны полагаются на ресурсы и защиту крупных держав, но одновременно они стремятся и к нейтралитету» (Неу, 2003). Как отмечает видный российский политолог-международник А. Богатуров применительно к странам Центральной Азии, «ограничив влияние России, они не допустили деградации отношений с ней, сохранив возможность при необходимости прибегать к ее ресурсам (финансовым, технологическим, людским, политико-дипломатическим и иногда военным). Взамен они позволяют России пользоваться своим потенциалом — пространственно-геополитическим и отчасти энергосырьевым» (Богатуров, 2011).

Таким образом, в настоящее время все постсоветские республики, включая Грузию, в той или иной степени реализуют внешнеполитическую стратегию балансирования. Ряд стран, придерживавшихся некоторое время альтернативных опций, вернулись к прежней парадигме. Так, Беларусь, которая традиционно воспринималась как ближайший союзник России, продемонстрировала в 2009–2010 годах явное стремление нормализовать отношения с Западом, в первую очередь с Европейским союзом. Только чрезмерная реакция властей на акции протеста после президентских выборов в декабре 2010 года несколько приостановила этот процесс.

Украина, которая в период правления президента В. Ющенко (2005–2010) стремилась к интеграции в евроатлантические институты, тем самым открыто оппонируя России, вернулась к балансированию, нормализовав на некоторое время отношения с Россией после избрания главой государства В. Януковича. Новый президент открыто признал, что попытки разрыва тесных связей с Россией (в том числе как результат вступления в НАТО) могут подорвать территориальную целостность Украины, имея в виду как глубоко укорененные особенности регионализма, так и незавершенность процесса формирования национального государства и идентичности в стране (Янукович, 2010). При этом в качестве балансирующего момента остается интеграция в ЕС, которая провозглашена стратегическим приоритетом. Отсутствие на данный момент успехов в попытках России вовлечь страну в Таможенный союз является ясным индикатором реальных интересов украинской элиты, которая стремится к сохранению автономии как во внутривнутриполитической сфере, так и во внешней политике.

Под балансированием в этой статье автор имеет в виду не традиционную реалистическую трактовку поведения одних государств, направленного на сдерживание других и поддержание баланса сил, то есть балансирование против кого-то. Речь идет о внешнеполитической стратегии, направленной на извлечение выгод в сфере безопасности, экономики и престижа за счет периодической демонстрации политической лояльности двум и более крупным (ведущим) игрокам.

Предпосылки балансирования кроются как во внутреннем контексте, так и во внешней среде. К внутренним факторам можно отнести характер политического режима, уровень экономического развития и размер страны, выгодность ее геополитического положения. Как представляется, авторитарные президентские системы на постсоветском пространстве более эффективно реализуют стратегию балансирования (Spechler, 2010). Сдерживая политическую конкуренцию внутри своих республик, они ограничивают возможности внешних сил и групп экономических интересов (как внутренних, так и иностранных) влиять на внешнеполитический выбор страны, обеспечивая его преемственность и последовательность. Вопрос о геополитической ориентации (или менее долгосрочной внешнеполитической тактике) решается политической элитой, не становясь предметом предвыборной борьбы. Консолидированность и стабильность режимов позволяет им претендовать на самостоятельный внешнеполитический курс, подтверждающий суверенитет и независимость как главную ценность. Стратегия балансирования обеспечивает такой курс, при этом ограничены риски дестабилизации, которые могут возникать в результате чрезмерной ориентации лишь на одного партнера из числа крупных держав. Наличие ресурсов, обусловленных как относительным уровнем, так и абсолютным экономическим весом, пропорционально повышает возможности для балансирования, а периферийное геополитическое положение снижает.

Однако реализация стратегии балансирования невозможна без соблюдения ряда условий международной среды. Во-первых, в регионе должен отсутствовать явный гегемон. А во-вторых, требуется наличие геополитической конкуренции двух и более держав. Оба этих условия на постсоветском пространстве соблюдены. Несмотря на предпринимаемые усилия по сохранению влияния, объективные позиции России постепенно ослабевают. Внешние связи новых независимых государств больше не нуждаются в посреднике в лице Москвы, экономическая зависимость этих стран от России ослабевает, сфера влияния русского языка и культуры сужается. Россия не смогла стать локомотивом региональной модернизации, а ее внутренняя социально-экономическая модель не является в достаточной мере привлекательной для заимствования (что не отменяет экономическую привлекательность страны для мигрантов). Испытывая определенный дефицит «мягкой силы», Россия тем не менее обладает рычагами силы «жесткой» и способна ее проецировать в региональном масштабе как с целью упреждения (например,

в случае с Грузией), так и с целью вовлечения в сотрудничество (Беларусь) и стабилизации (Армения или Таджикистан). Наряду с фактором географической близости это дает России возможность геополитической конкуренции с ведущими мировыми игроками — США, ЕС и (во все возрастающей степени) КНР. Текущая «перезагрузка» в российско-американских отношениях делает эту конкуренцию менее конфронтационной, но не отменяет ее в принципе.

По фактору геополитической конкуренции постсоветский регион может быть подразделен на две зоны. Европейская часть, включая так называемые западные новые независимые государства (Украина, Молдова и Беларусь) и Южный Кавказ (Грузия, Армения и Азербайджан), в большей степени характеризуется биполярной конкуренцией России и Запада, хотя стремление к лидерству демонстрируют отдельные региональные державы (Турция). Постепенно расширяется в регионе и присутствие Китая. Центральноазиатская часть обнаруживает себя в более сложной ситуации, когда как минимум три игрока — Россия, США и Китай рассматривают регион в качестве зоны своих привилегированных интересов. Здесь балансирование, как правило, означает многовекторность.

Если условия балансирования ясны, необходимо понять его причины. Теоретически для этой цели применим подход с точки зрения анализа внешней политики малых и средних стран. Его реалистическая интерпретация говорит о том, что малые страны характеризуются дефицитом силы — они не претендуют на проецирование влияния вовне, крайне зависимы от факторов внешней среды и не могут их изменить. Поэтому сила (власть) малых стран выражена в терминах автономии, то есть «способности ограничить влияние других игроков на их собственное поведение» (Goetschel, 1998).

Внешнеполитическое балансирование имеет инструментальный характер для преодоления чрезмерной зависимости от сильнейшего регионального игрока (или бывшей метрополии), повышая тем самым степень автономии в процессе принятия решений. Автономия означает, помимо прочего, что соответствующие страны выступают не только объектами международной политики, но и ее субъектами, пусть и не основными. Для постсоветских государств автономия имеет особую внутривнутриполитическую ценность, так как способствует процессу национально-государственного строительства и формирования идентичности. Как известно, практически все постсоветские страны в их нынешних границах являются продуктом советской политической инженерии, а их независимость и государственность не имеют прочной исторической традиции. Чрезмерная ориентация на внешние силы (Россию) может препятствовать усилиям политической элиты, направленным на консолидацию наций, подрывая восприятие «мы» и «чужие». Более того, представление России (и связанного с ней советского прошлого) в негативном свете используется большинством постсоветских стран (хотя и в различной степени) для разграничения пространства идентичности и обоснования легитимности новой государственности.

Среди причин балансирования можно выделить и экономические факторы, которые особенно актуальны не только для республик, богатых углеводородами (Казахстан, Азербайджан, Туркменистан), но потенциально и некоторых других стран. Их интерес состоит в диверсификации круга потребителей сырья и инвесторов для обеспечения максимальной доходности. В свою очередь, диверсифицированная инфраструктура экспортных трубопроводов и железных дорог усиливает возможности для внешнеполитического балансирования. Не случайно в числе основных инвесторов Казахстана и Азербайджана — западные, а не российские компании.

Малые страны также стремятся компенсировать недостаток жесткой силы за счет инструментов престижа и мягкой безопасности (качественными ценностями в противовес количественным ресурсам). Примером такой политики может быть некая посредническая функция. Некоторые государства (к примеру, Казахстан и Узбекистан) претендуют на региональное лидерство, что предполагает готовность играть роль интерфейса или ворот для тех внешних игроков, которые хотели бы расширить свое политическое и экономическое присутствие в регионе. Это требует сбалансированных отношений со всеми основными центрами силы. Такая роль повышает заинтересованность внешних игроков в сохранении стабильности и устойчивости существующих политических режимов.

Реакция России на явное желание бывших сателлитов упрочить свою автономию за счет балансирования противоречива. С одной стороны, Москва не прекращает попыток вовлечь бывшие советские республики в подконтрольные ей экономические и военно-политические группировки. Наиболее значимая цель — Украина. Еще будучи президентом, Д. Медведев предложил Украине сделать выбор либо в пользу европейской интеграции, либо Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана: «Нельзя быть везде: или там, или там. Это должны понимать все, в том числе и мои украинские друзья и коллеги: нельзя сидеть на двух стульях, нужно делать какой-то выбор» (Медведев, 2011). Такой подход вряд ли продуктивен и может привести к результатам, прямо противоположным желаемым, так как позиция России интерпретируется как направленная на запугивание и шантаж своих партнеров. Интеграция в ЕС провозглашена Украиной «цивилизационным выбором», в то время как выгоды Таможенного союза видятся некоторым представителям украинской элиты либо призрачными, либо имеющими краткосрочный эффект (Воробьев, 2011). Кроме того, Россия противодействует расширению НАТО на постсоветское пространство как вербально (к примеру, через инициативу по подготовке договора о новой архитектуре европейской безопасности, дух которого направлен против «НАТО-центризма»), так и действиями (в войне с Грузией в августе 2008 года или через продление базирования Черноморского флота в Крыму до 2042 года).

С другой стороны, наиболее разумным было бы признать статус-кво и проводить политику «уверения в наилучших намерениях» в отноше-

нии постсоветских стран. Глава российского МИДа С. Лавров вскоре после выступления Д. Медведева, находясь на Украине, «скорректировал» главу государства: «Мы не видим каких-либо противоречий между устремлениями к более тесным интеграционным отношениям с Европой и углублением интеграции на постсоветском пространстве. Нашим странам нет необходимости делать выбор между Европой или другими соседями — это искусственное противопоставление. На самом деле речь идет о двух взаимодополняющих направлениях политики России и, как я понимаю, Украины» (Воробьев, 2011). Позднее данную позицию выразил в одной из своих предвыборных статей В. Путин: «Некоторые наши соседи объясняют нежелание участвовать в продвинутых интеграционных проектах на постсоветском пространстве тем, что это якобы противоречит их европейскому выбору. Считаю, что это ложная развилка» (Путин, 2011).

Представляется, что по целому ряду причин Россия не должна открыто оппонировать стратегии балансирования. Во-первых, Россия сама стремится к развитию более тесного сотрудничества с ЕС, де-факто реализуя многовекторную внешнюю политику. Как отмечается в Концепции внешней политики Российской Федерации (2008), «Отличительная черта российской внешней политики — ее сбалансированность и многовекторность»¹. Временный президент Кыргызской Республики Р. Отунбаева также в одном из своих выступлений использовала этот аргумент: «Кыргызстан и впредь будет придерживаться многовекторности... Как быть с ЕС, когда говорят, что мы должны быть только в СНГ? Для России сотрудничество с Евросоюзом приоритетно. Так почему маленький Кыргызстан должен себе в этом отказывать?».

Во-вторых, в ряде случаев необходимо принимать во внимание исторически сложившиеся разломы идентичности и интересы влиятельных бизнес-групп. В первую очередь это относится к Украине, где особенности регионализма и ориентации бизнеса предопределили балансирующую внешнюю политику в 1991–2004 годах, а также провал односторонней прозападной ориентации, которую проводил В. Ющенко. Для снижения опасности потенциального возврата Украины к опции альянса с Западом «России следовало бы помочь нынешней украинской власти в определении особого места Украины в Большой Европе, где она могла бы играть действительно активную и уникальную роль, к которой с равным уважением будут относиться и в Москве, и в Брюсселе, и в Вашингтоне» (Ефременко, 2011). Украина могла бы сыграть роль драйвера Черноморского регионостроительного проекта, где возможности России играть такую роль объективно ограничены конфликтными отношениями с отдельными странами.

В-третьих, Россия не в состоянии и, вероятно, не хочет играть роль единственного донора и источника модернизации постсоветских стран. Конечно, по макроэкономическим показателям Россия остается лидером по ВВП на душу населения на постсоветском пространстве (из стран

¹ См. Концепцию внешней политики Российской Федерации (2008).

бывшего СССР ее опережает только Эстония), по абсолютным объемам привлеченных иностранных инвестиций (на душу населения по этому показателю впереди Казахстан) и прямым и косвенным субсидиям братским республикам (основные бенефициары — Беларусь и Украина), которые в 2000-х достигли, по некоторым оценкам, \$100 млрд (Спартак, 2011). С другой стороны, российское руководство стремится ограничить эти субсидии, сделать их более прозрачными и обусловленными (как политически, так и экономически).

В то же самое время доступные ресурсы Европы (не говоря уже о США) для постсоветского пространства ограничены — как в сравнении с поддержкой Западных Балкан и ЦВЕ перед расширением ЕС, так и по отношению к объему помощи и преференций, предоставляемых Россией. Финансовый инструмент Европейской политики соседства (ENPI) и Европейский инвестиционный банк (EIB) вместе вкладывают в европейские (включая РФ) и кавказские республики бывшего СССР около €8 млрд в бюджетный период 2007–2013 годов. Другие финансовые ресурсы также слабы. Рынки ЕС в последние годы становились более закрытыми для крупнейших несырьевых экономик Украины и Беларуси: экспорт Беларуси в страны ЕС-27 сократился с 44.5% до 38.6% в 2005–2009 годах, а Украины — с 30.2% до 24% (Pelczinska-Nalecz, 2011).

Хотя первоначальная реакция России на инициативу «Восточного партнерства» была сдержанно-негативной, к 2011 году она проявляла большую открытость к сотрудничеству с ней. Как заявил один из чиновников российского МИДа, «наша официальная позиция постепенно претерпевает изменения. Нам удалось уйти от первоначального тотального неприятия этой инициативы. И сейчас мы смотрим на нее в более прагматичном ключе», не исключив участия в отдельных проектах партнерства (Михно, 2011). Трансформации позиции России, вероятно, способствовал ряд параллельных процессов, в частности, общее улучшение атмосферы российско-западных отношений на фоне «перезагрузки» Россия — США; попытки придать ускорение отношениям РФ — ЕС через «Партнерство для модернизации»; осознание Россией отсутствия угрозы расширения ЕС на постсоветском пространстве в обозримой перспективе; активизировавшийся диалог о безвизовом режиме; сближение России и Польши, которая, как известно, является ключевым инициатором «Восточного партнерства». Польша в мае 2010 года вышла с инициативой создания Группы друзей «Восточного партнерства», в которую планировалось пригласить страны и институты, заинтересованные в получении информации и содействии (в том числе финансовом) реализации проектов. Наряду с США, Японией, Норвегией и Турцией предложение принять участие в группе поступило и России. Доклад российско-польской группы экспертов содержит предложение гармонизировать политику РФ и ЕС в общем соседстве и уйти от геополитической конкуренции в регионе общего соседства (Dębski, 2010).

Сама концепция общего соседства не нова (Trenin, 2005). Она позволяет избежать ненужных трений в отношениях России и ЕС по вопросу «ближнего зарубежья» / «нового соседства», которое может играть роль

интерфейса сотрудничества и транзитной зоны. Длительное время Россия не желала обсуждать с ЕС вопросы, связанные с общим соседством (Zagorsky, 2007). Изменение позиции Москвы с рациональной точки зрения можно объяснить следующими причинами. Наряду с интересом к расширению позитивной повестки дня в отношениях с ЕС Россия не считает нынешнюю политику ЕС способной подорвать существующий статус-кво в регионе. Вместе с тем, существующая взаимозависимость (не всегда симметричная) с Евросоюзом ограничивает доступные инструменты и рычаги влияния на постсоветском пространстве. Как отмечает А. Мошес, российская политика в отношении Украины, Беларуси и Молдовы более не является исключительно двусторонним вопросом (Мошес, 2010). Наконец, снижение градуса российско-европейской конкуренции в регионе ограничит возможности национальных элит постсоветских стран заниматься периодическим шантажом возможного поворота в сторону Запада, а также обвинять Россию в неоимперских амбициях и попытках проецировать сферы влияния. Последнее особенно важно, так как активность США и ЕС в регионе по целому ряду причин угасла (по крайней мере, временно), и большую значимость приобретают внутриаполитические аспекты и поведение политических элит постсоветских стран (Рябов, 2011).

Итак, доминирующей внешнеполитической стратегией подавляющего большинства постсоветских стран является балансирование. Как видится, России необходимо признать этот факт и предпочесть политике вовлечения и уверения в наилучших намерениях агрессивному запугиванию и принуждению в отношении своих соседей. Отказ от этого может привести к тому, что элиты этих стран скорее предпочтут оппортунизм России, а не союз с ней. Как пишет А. Пристайко, «проблема России состоит в том, что ни одна из соседних стран не видит свое будущее как часть союза с доминирующей ролью России» (Prystayko, 2008). В этом смысле балансирование — наилучшая из возможных опций для РФ.

России стоит окончательно забыть о реактивной политике в регионе, построенной на отрицании (в частности, расширения ЕС и НАТО), и активно предлагать собственную активную повестку дня сотрудничества. Представляется разумным прислушаться к мнению известного российского политолога Г. Павловского, который полагает, что даже принятие отдельных стран бывшего СССР в евроатлантические институты не означает их выхода из зоны интересов России (Павловский, 2005).

Российские и зарубежные эксперты традиционно рассматривают сохранение влияния на постсоветском пространстве как необходимое условие сохранения (восстановления?) Россией статуса великой державы. Политика Запада в регионе часто воспринимается в Москве как «вовлечение через окружение», направленное на геополитическую изоляцию

России и ее принуждение стать частью Запада, отказавшись от независимой роли в мире (Kosachev, 2011).

В то же самое время налицо сигналы изменения политики США в регионе. При сохранении поддержки независимости, автономии и демократизации постсоветских стран Вашингтон воздерживается от настойчивого проталкивания расширения НАТО и формирования геополитических кордонов по периметру российских границ. Такая линия вытекает из стремления администрации Б. Обамы придать американской политике более многосторонний характер, признавая Россию значимым партнером по целому ряду вопросов международной безопасности и региональной политики.

России необходимо быть более открытой к сотрудничеству и координации действий с другими значимыми игроками на постсоветском пространстве. Это позволит разделить ответственность за поддержание стабильности и модернизацию. Хотя геополитическая конкуренция вряд ли исчезнет полностью, ее негативные последствия для отношений России с ее партнерами на Западе и на постсоветском пространстве уменьшатся. Как отмечает Р. Легволд, до тех пор, пока *modus vivendi* (между Москвой и Вашингтоном) в Центральной Азии, на Кавказе и «срединных землях» (Молдова, Беларусь и Украина) не достигнут, «все остальное, что они предпринимают или будут предпринимать, не будет оптимальным, легким и безопасным» (Legvold, 2010). Примером (хотя и ограниченным) кооперативного поведения может служить Шанхайская организация сотрудничества, являющаяся механизмом политической и во все возрастающей степени экономической стабилизации в Центральной Азии.

Более конструктивный подход к взаимодействию с Россией на постсоветском пространстве позволит США и европейским странам избавиться от необходимости при каждом случае заверять своих партнеров, что их национальные интересы не приносятся в жертву расширению сотрудничества с Россией.

Постсоветские страны также могут выиграть от большего согласия центров силы в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

Богауров А. (ред.) (2011) *Международные отношения в Центральной Азии. События и документы*. Москва: Аспект-Пресс.

Воробьев В. (2011) Бочка МИДа без ложки дегтя. *Российская газета*. 6 июня.

Ефременко Д. (2011) После дуумвирата: внешняя политика Москвы. *Россия в глобальной политике*. № 3. Доступно на: <http://www.globalaffairs.ru/number/Posle-duumvirata-vmeshnyaya-politika-Moskvy-15-216>

Концепция внешней политики Российской Федерации (2008).

Медведев Д. (2011) Пресс-конференция 18 мая.

Михно Г. (2011) Россия проявляет интерес к Восточному партнерству. *Актуальные комментарии*. Доступно на: <http://actualcomment.ru/news/26-058/>

Мошес А. (2010) Россия и новая «промежуточная» Европа. *Pro et Contra. Volume 14. No. 4–5. July – October.*

Отунбаева Р. (2011) Мы и впредь будем придерживаться многовекторности. *ИА Регнум.* Доступно на: <http://www.regnum.ru/news/polit/1414930.html>

Павловский Г. (2005) Выступление на пресс-конференции «Внешняя политика России на постсоветском пространстве». Доступно на: <http://www.kreml.org/other/77935249>

Путин В. (2011) Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня. *Известия.* 4 октября.

Рябов А. (2011) Постсоветское пространство в 2020 году. *Проект Россия-2020. Сценарии развития страны.* Доступно на: <http://russia-2020.org/ru/2010/09/19/post-soviet-space-in-2020/>

Спартак А. (2011) Потенциал и ограничения постсоветской интеграции. *Документы проекта «Стратегия-2020».* Доступно на: http://strategy2020.rian.ru/documents/index_3.html

Улахович В. (2009) *Формирование основ внешней политики Республики Беларусь.* Минск: Харвест.

Янукович В. (2010) Выступление на торжественном собрании, посвященном 18-летию образования Службы безопасности Украины, 25 марта.

Dębski, S. (ed.) (2010) Eastern Partnership – A New Momentum for the EU-Russia Relations. *Polish-Russian Expert Group Report.* Доступно на: http://www.mgimo.ru/files2/y11_2010/169939/rus_eu-eng.pdf

Goetschel, L. *The Foreign and Security Interests of Small States in Today's Europe. Small States Inside and Outside the European Union. Interests and Policies.* Boston: Kluwer Academic Publishers

Hey, J. (2003) *Small States in World Politics. Explaining Foreign Policy Behaviour.* Boulder, London: Lynne Rienner Publishers

Kosachev, K. (2011) Three Birds with One Stone. *Russia in Global Affairs.* No. 2. January-March. Доступно на: <http://eng.globalaffairs.ru/number/Three-Birds-with-One-Stone-15146>

Legvold, R. (2010) *Meeting the Russian Challenge in the Obama Era.* Draft Chapter. Available at: <http://www.amacad.org/russia/meetingChallenge.pdf>

Pelczinska-Nalecz, K. (2011) Integration or Imitation? EU policy towards its Eastern Neighbours. Warsaw: Centre for Eastern Studies

Prystayko, O. (2008) EU-Russia Common Neighbourhood. *The EU-Russia Centre Review.* Issue 8. Russian Foreign Policy. October.

Spechler, M. C., Spechler, D. R. (2010) The International Political Economy of Central Asian Statehood. *Stable Outside, Fragile Inside: Post-Soviet Statehood in Central Asia.* Burlington: Ashgate

Trenin, D. (2005) Russia, the EU and the common neighbourhood. *Centre for European Reform Essays.* Доступно на: http://www.cer.org.uk/pdf/essay_russia_trenin_sept05.pdf

Whitmore, B. (2010) Resetting Georgia. *Foreign Policy Online.* August 10. Available at: http://www.foreignpolicy.com/articles/2010/08/09/resetting_georgia

Zagorsky, A. (2007) Common European Neighbourhood and the Post-Soviet Space. Partnership with Russia in Europe. Economic and Regional Topics for a Strategic Partnership. *Material of the 5th Roundtable Discussion, Potsdam, March 19–20.*

